

24 января замечательному музыканту исполнилось 50 лет. В издательстве «Вагриус» вскорости выходит книга его записок

— Помнишь, у реки, возле моста, мы слышали скрипку. Давай пойдём погуляем и, может быть найдем того, кто играет. Возможно, он сумеет нам помочь.

И мы отправились. Подошли к дому, откуда слышалась скрипка, позвонили... Мужчина серьезного вида открыл дверь, мама ему все объяснила. Он сказал:

— Да, это мой сын играет на скрипке.

Нас проводили в дом, пухленький мальчик моего возраста, может быть, года на два старше, деловито отложил свою скрипку, взял мою и довольно ловко настроил. Мы поблагодарили и ушли.

Через много-много лет во Франции, в городе Туре, в акаде-

мию, где преподавала вся профессура Московской консерватории, приехал Квартет имени Бородина.

Было какое-то вино, теплый вечер, мы сидели во дворе отеля и вспоминали старые времена. С альтистом Митей Шебалиным вспомнили, что как-то перед конкурсом 74-го года я специально приехал к нему и играл конкурсную программу. В то время Квартет Бородина отдыхал в Закарпатье, в местечке Невижко — это недалеко от Ужгорода. И тут я к слову вспомнил, как бывал с мамой в Невижко в детстве, как не мог настроить скрипку, но...

И вдруг поднимается скрипач Миша Копельман. Оказывается, это был он, тот самый пухлый мальчик. Он никогда об этом не

То есть отменялись пять концертов, и мне нужно было возвращаться домой, в Москву. Честно говоря, я тоже невероятно устал, потому что ежедневное общение наедине с личностью такого масштаба требовало невероятной концентрации. Плюс к тому же я по многу часов в день сидел за рулем, а вечерами мы выступали на сцене. Поэтому предложение Рихтера не вызвало у меня протеста, скорее, я почувствовал какое-то облегчение. И тут он неожиданно добавил:

— Я понимаю, наверное, вы расстроились, потому что мы не сыграем обещанный концерт во Львове. Сыграем! У меня есть идея. Когда я буду возвращаться из Польши и окажусь во Львове, вы прилетите туда, и мы выступим. Там же мама ждет!

Я был очень тронут.

Так все и произошло. Мы действительно дали концерт во Львове. Мама моя была, конечно, счастлива невероятно. Она работала во Львовской консерватории в учебной части, и вот, представьте себе, приехал ее сын выступать с самим Святославом Рихтером.

Единственное, о чем попросил Святослав Теофилович, чтобы вечером мы не ходили ни в какой ресторан, и посидели бы у меня дома и чтобы присутствовали только самые близкие.

Были мой дедушка, папа, мама и брат. И мы с Рихтером. Был замечательный вечер, ужин. Можете себе представить, как мама старалась. В какой-то момент глаза Рихтера увлажнились. Я встревожился:

— Что случилось?

Он говорит:

— Юра, вы знаете, точно такую баклажанную икру готовила и моя мама.

Потом он поднял тост за меня. Сказал, что с точки зрения музыки у меня все есть. И это говорил мэтр.

— Главное, чтобы голова не подвела, — заключил он.

И я все время сейчас думаю: начала она меня подводить или это еще впереди.

А мама успела все-таки увидеть результаты своих трудов. По-

Юрий БАШМЕТ

ПРО АЛЬТ, ГИТАРУ

И БАКЛАЖАННУЮ ИКРУ

Формально события развивались так. Меня «поступили» в музыкальную школу-семилетку. Но учиться в двух школах — общеобразовательной и музыкальной — было сложно. И после четвертого класса я был переведен в музыкальную десятилетку им. С. Крушельницкой. В скрипичном классе мест не оказалось, и маме предложили записать в класс альтя. Родители исполошились — что такое альт и кому он нужен. Стали советоваться с музыкантами и в конце концов решили: «Важно не на чем играть, а как играть!».

Для меня же решающим оказался совет одного из моих старших товарищей:

— Альт требует для упражнений гораздо меньше времени, чем скрипка. Получишь больше возможности заниматься гитарой!

Вот это было важно! Я очень увлекался гитарой, а потом электрогитарой. Так что скрипкой занимался для мамы, а гитарой — для себя, для сердца. Но собственного инструмента у меня не было, и мне все время приходилось одалживать его. Однажды случилась настоящая трагедия — в трамвае я вребезгил разбил чужую гитару. Весь класс мне помогало. Собирали по 50 копеек, по рублю. Остальное добавила тетя — папина сестра. Гитара была восстановлена. Родители ничего не знали об этом, и потом, когда все успокоилось, я всерьез побеседовал с мамой и сказал, что мне нужна гитара. Я понимал, что это дорого — 240 рублей, поэтому сразу же добавил, не дав ей возможности ответить:

— Если у меня будет своя гитара, обещаю каждый день на час больше заниматься на альте.

Мама поговорила с папой, они, видимо, обсудили с дедушкой, сбросились и купили мне гитару. И мама сделала это, желая, чтобы я играл на альте. Она, как всегда, мудро поступила.

Я был в классе любимчиком именно потому, что имел гитару. Одноклассники были в основном

детьми профессоров и потому очень домашними, «правильными», а я — отнюдь не парниковое растение — ездил на велосипеде задом наперед, метал ножик, играл на танцах. Хотя, как я понял позднее, так не бывает, чтобы тебя любили все. Но это уже потом... А пока ты — милый, симпатичный, играешь на гитаре, без ума от «Битлз»...

Это было самое время их взлета, и все сознательное юношество города Львова, как Ливерпуля и Лондона да и всей Европы, было влюблено в феноменальную четверку. И я тоже не был исключением. Вскоре у меня появилась гитара «Вокс». Гитара той же самой марки, что и у Джорджа Харрисона. Не копия, а именно такая же.

Каким образом это приобреталось? Разные группы и ансамбли завершали свои туры по Советскому Союзу как раз во Львове — играли последние концерты и здесь же часто распродавали свои микрофоны и гитары. Вот так гитара попала ко мне, если не ошибаюсь, от группы «Червони гитары» из Югославии.

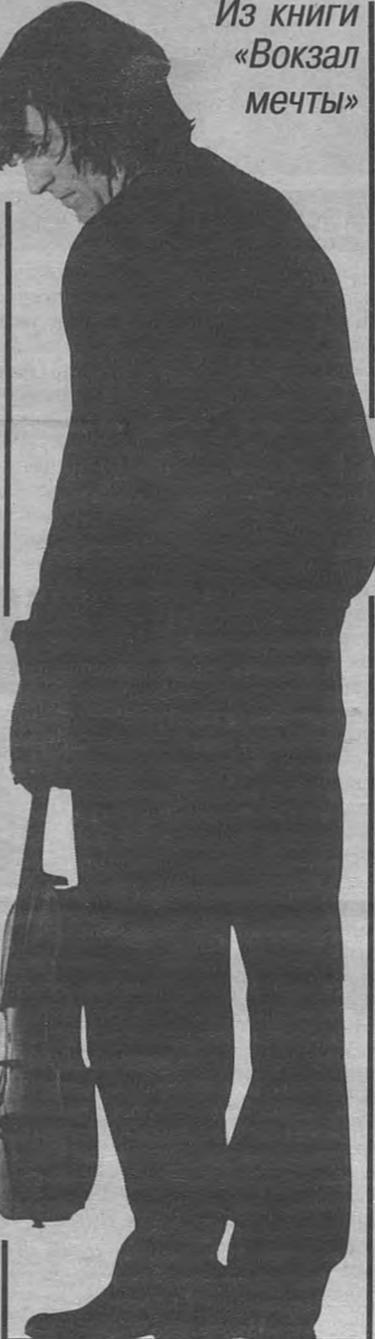
Ой, боже мой, я помню, «Песняры» приезжали. Мы вместе играли. Молодой Владимир Мулявин делал три шага вперед и потрясаясь виртуозно исполнял что-то на гитаре, а я тоже считался виртуозом, и получался самый настоящий «джемсейшн» — так это называется. Много лет спустя мы с Мулявиным встретились в Таллине. Я напомнил-напомнил ему юнца с усами (у меня тогда усы были!) во Львове, но он так и не вспомнил.

А вот совсем другая история. Как-то летом мы с мамой отдыхали в Закарпатье. Это было в самом начале моего обучения на скрипке. Первую неделю мама говорила:

— Отдыхай, вот неделю отдохнешь, а потом начнем, будешь заниматься каждый день.

И когда я открыл инструмент, выяснилось, что он абсолютно расстроен, а я не могу его настроить, не получается. И тут мама сообразила:

Из книги «Вокзал мечты»

В юности Башмет носил усы и тайком от родителей играл на танцах

вспоминал, а вот заговорили про это место — изумительно красивое, с водопадом — и все встало перед глазами! И опять мама...

И еще о маме. И о Рихтере.

Как-то у нас с Маэстро случилось большое турне по Европе. Передвигались мы вдвоем на машине. Я был шофером и солистом. Он — пассажиром и пианистом. Двигались от Москвы к Парижу и по дороге давали концерты. На обратном пути тоже. Это было насыщенное турне. И Минск, и Брест, и Варшава, и, конечно, Берлин и Франкфурт, и, наконец, Париж. Потом еще его, рихтеровский, фестиваль в Гранж-де-Миле во Франции.

И когда на обратном пути добрались до Вены, отыграв около двадцати концертов, он мне объявил, что не успеет выучить две сонаты Кароля Шимановского. Должен сказать, что это технически архисложные произведения, а ему надо было исполнить их через две недели, уже на обратном пути — в Польше. Без меня. Он объяснил мне это, извинился и сказал:

— Юра, только вы, пожалуйста, не обижайтесь, но, в общем, я не рассчитал свои силы, и все. Мне нужно остаться здесь и учить сонаты Шимановского.

тому что с момента, когда я начал делать успехи в музыкальной школе, цель ее жизни, как я понимаю, была определена: сделать из меня музыканта.

Я считаю, что дети и родители — это прямая связь навсегда, если угодно, это кармическая связь. А связь мужа и жены — духовная. Почему в легендах часто рассказывается, что муж и жена прожили всю жизнь счастливо и умерли в один день? Это счастливое совпадение душ. Предназначенность, наверное, существует.

Мама была очень мудрым и талантливым президентом нашей семьи. Каждый, кто имеет власть, мечтает, чтобы его все любили. Когда выбирают лидера какой-то партии президентом, я думаю: как же он потом живет, когда 30 или даже 49 процентов людей его не выбрали? Силы для власти и руководства маме давала невероятная любовь к своему ребенку. Когда я вынужден проявить власть, волю, вспоминаю, как этим пользовалась моя мама, — мгновенно помогает. Секрет прост: подвластный тебе должен получить свободу выбора. Даже если он не готов к самостоятельному решению и нет базы для этого. Поэтому власть в данном случае — только любовь.